

ТЕНИ ПОД ЁЛКОЙ

ALENA BYKOVA

Алёна Быкова

Тени под елкой

«Автор»

2026

Быкова А.

Тени под елкой / А. Быкова — «Автор», 2026

В маленьком городке, украшенном огнями и рождественскими гирляндами, царит праздничная атмосфера. Но за этой радужной оболочкой скрывается первобытный ужас. В уютном, на первый взгляд, месте начинает происходить серия загадочных исчезновений. Семьи, уверенные в своей безопасности, одна за другой становятся жертвами расчетливого маньяка в черном плаще, который использует праздничное затишье как прикрытие для своих безумных экспериментов. В канун Рождества, когда город спешно эвакуируют из-за таинственного фиолетового дыма, ловушка захлопывается. Ариэль и ее друзьям предстоит спуститься в глубины мрачной работающей шахты. Чтобы остановить неизвестного и спасти своих родных, подросткам придется пройти через подземный ад, столкнуться с предательством тех, кому верили, и заглянуть в глаза истинному безумию, вернув покой на опустевшие улицы.

© Быкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алёна Быкова

Тени под елкой

Глава 1

Девять утра. За окном большими белыми хлопьями медленно падает снег. Я проснулась от ароматного запаха имбирного печенья, корицы и еще чего-то сладкого, от чего мгновенно заурчало в животе. Не раздумывая, я поднялась с постели, быстро привела себя в порядок и распахнула окно. Свежий морозный воздух окончательно прогнал остатки сна и взбодрил перед грядущим днем.

— Ариэль, доброе утро! — поприветствовала меня мама, когда я спускалась по лестнице. Она тут же поставила мою порцию завтрака на стол.

— Доброе! — с улыбкой отозвалась я. С тех пор как папа устроился на работу в местную шахту, кулинарию полностью перехватила мама. Готовила она потрясающе, вот только заморачивалась чересчур.

— На сегодня у нас имбирные печенья с улыбками из голубики и кексы с твоим лицом и лицом Кевина, — мама с гордостью продемонстрировала свой шедевр.

Физиономия моего младшего брата на выпечке получилась очень даже милой. В отличие от моей — кондитерская Ариэль больше смахивала на помятого тролля.

— Очень... своеобразно! — оценила я. — Но не думаю, что стоит каждый раз так... перебарщивать.

— Да брось! Необычные блюда ведь заряжают позитивом, согласишься? — просияла мама. Я посмотрела на кекс со своей унылой кондитерской физиономией и невольно усмехнулась:

— Хм... Да, пожалуй, ты права.

Плотно позавтракав, мы с Кевином отправились в центр города за рождественскими украшениями. Все жители вовсю готовились к торжеству. Фасады домов и витрины наряжали гирляндами, хвойными венками и светящимися фигурами оленей. На главной площади рабочие как раз возводили огромную пушистую ель высотой едва ли не в тридцать метров. Кажется, с каждым годом ее выбирали все выше и роскошнее. Город буквально дышал предвкушением зимнего волшебства.

— Давай зайдем в магазин рождественских игрушек? — предложил Кевин. — Я тоже хочу помогать наряжать дом!

— Ага, как в прошлый раз? Когда ты расколол половину шаров и завалил всю елку? — с усмешкой напомнила я.

— Но это же было случайно! И вообще, я извинился раз сто! — надулся брат.

В самом магазине мы присмотрели три коробки с елочными игрушками, блестящую мишуру и гирлянды. Не прошло и пяти минут, как Кевин умудрился откопать на одной из полок карнавальный костюм и натянул на себя зеленый наряд рождественского эльфа. Выглядел он в нем слегка нелепо, но, надо признать, чертовски мило.

— Ну что, в костюме у меня больше шансов, что Санта подарит мне настольный хоккей? — с воодушевлением спросил брат.

— Хоть хоккей, хоть футбол — с таким эльфом у Санты просто нет выбора, все будет твоим, — раздался за моей спиной знакомый голос.

Я резко обернулась:

— О, привет, Марк! Какая приятная встреча!

Марк приветливо улыбнулся, из-за чего тонкий шрам на его щеке слегка натянулся. Высокий, темноволосый и кареглазый, он всегда казался мне воплощением надежности. Добрый, заботливый, верный друг — все это было именно про него.

— Взаимно, — отозвался Марк. — Вовсю готовитесь к Рождеству?

— Да! Я буду главным эльфом и сам украшу весь дом и елку! — весело воскликнул Кевин, активно жестикулируя.

Марк добродушно рассмеялся:

— Уверен, у тебя выйдет просто отлично! — он подмигнул брату.

— А что насчет твоей семьи? Уже все украсили? — спросила я Марка.

— Еще нет. Мама приболела, да и после утренних новостей праздничное настроение как-то поухло.

Я нахмурилась, почувствовав внезапный укол тревоги:

— Каких еще новостей?

— Несколько шахтеров бесследно исчезли прямо во время утренней смены, — тихо пояснил Марк. — Ни причин, ни имен пока никто не знает. Ваш папа говорил что-нибудь?

— Нет, у него ведь длинная смена, он вернется только вечером...

Липкий страх коснулся сердца, а в голову поползли жуткие мысли.

— Если что-то станет известно — сообщите, хорошо? — Марк мягко коснулся моего плеча. — И не изводи себя раньше времени. Уверен, с вашим отцом все в порядке.

Мы попрощались с Марком, обошли еще несколько лавок и только к вечеру двинулись домой.

Солнце медленно тонуло в багровых сумерках, с неба сыпал мелкий, колкий снежок. На душе с каждой минутой становилось все тяжелее.

— Ариэль, как думаешь... с папой ведь все хорошо? — тихо спросил Кевин, прижимая к себе пакет с игрушками.

— Конечно. Уверена, он уже греется дома и помогает маме накрывать на стол, — попыталась я подбодрить брата, а заодно и саму себя.

Мы взбежали на крыльцо и толкнули входную дверь. В доме царила зловещая тишина. На кухне у плиты стояла мама. Стоило ей обернуться, как у меня перехватило дыхание. Вид у нее был отрешенный, волосы растрепались, а опухшие глаза блестели от слез. Случилось то, чего я так сильно боялась.

— Дети... — мама судорожно вздохнула, едва удерживая чашку в дрожащих руках. — Наш папа пропал без вести в шахте.

Глава 2

Прошло два дня с момента трагедии в шахте. Несколько человек, включая моего отца, словно растворились.

Никаких новостей от спасателей не поступало, и в городе воцарилось странное, пугающее затишье. Словно случившееся вообще никого не волновало.

В первые сутки мама казалась абсолютно раздавленной. Но теперь, собрав в кулак весь свой привычный позитив, она изо всех сил старалась поднять нам дух. И, надо признать, у нее это получалось.

— Дети, спускайтесь к столу! — раздался ее звонкий голос снизу.

На кухне нас ждало любимое семейное угощение: пышные блинчики, на которых мама вареной сгущенкой вывела забавные улыбки, тосты с клубничным джемом, печенье и ароматный горячий шоколад.

— Все очень вкусно, мам! — воскликнул Кевин с набитым ртом.

Я была с ним полностью согласна.

— А можно мне сегодня погулять? Я хотел поиграть с Оливером и Эммой, — попросил брат. С этими ребятами они дружили с детского сада.

Когда я сама была в его возрасте, мы частенько резались во дворе в прятки, классики и жмурки. На мгновение на меня накатила теплая волна ностальгии. Перед глазами возник собственный образ из прошлого: девчонка с двумя причудливыми хвостиками русых волос, которая отчаянно ищет идеальное укрытие. Прятаться мне всегда удавалось лучше всех — ребята часами не могли меня отыскать.

Обычно дома моим секретным убежищем становилась ванная, платяной шкаф или подвал. При мысли о последнем по коже тут же пробежали морозные мурашки.

В тот самый последний раз, когда я рискнула спуститься под землю, прямо перед моим носом очутился гигантский паук. Черный, с багровым отливом, множеством блестящих глаз и длиннющими, шевелящимися лапами.

Я ощутило вздрогнула, когда тишину разрушил голос мамы.

— Конечно можно, Кевин. Я сегодня и сама пойду по делам в город, — она тяжело вздохнула. — Хочу узнать у шефа полиции насчет пропавших в шахте. Только будьте аккуратнее на улице. Мало ли что...

Ближе к обеду мама с Кевином ушли, и дом опустел.

День выдался морозным, но удивительно красивым. В чистом небе слепило солнце, заставляя сугробы искриться миллионами бриллиантов. От резкого холода воздух застыл, превращаясь в легкую призрачную дымку. Этот морозный туман медленно струился по улицам, просачиваясь сквозь голые кусты и окутывая заиндевшие деревья. Пейзаж завораживал. Я обожала зиму сколько себя помнила — в это время года мой мир всегда казался немного волшебным.

Никаких планов на остаток дня у меня не было. Я уютно устроилась у камина с любимой книгой ужасов, лениво потягивая горячий шоколад.

Внезапный, громкий стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Для мамы или Кевина было слишком рано, а гостей я не ждала. На всякий случай я затаила дыхание. Но стоило мне на цыпочках приблизиться к прихожей, как из-за досок донесся знакомый звонкий голос.

— Ари, ну же, открывай! — скомандовала моя лучшая подруга.

Я поспешно повернула ключ. На пороге стояла широко улыбающаяся Алиса в своем любимом розовом пуховике. Ее огненно-рыжие волнистые волосы слегка растрепались от ветра, а морозный румянец на щеках забавно подчеркивал россыпь веснушек.

Она крепко заключила меня в объятия, и я с облегчением уткнулась в ее плечо.

— Почему не предупредила, что придешь? — спросила я, пропуская Алису в дом. — Я бы хоть чайник согрела.

— Ой, да ладно тебе! Я встретила на улице Кевина с твоей мамой, они сказали, что уходят по делам, а ты скучаешь одна. Вот я и решила заскочить, — объяснила она, стягивая шарф.

— А еще, возможно, к нам сейчас присоединится Марк.

— Правда?

— Ага, видела его мельком на площади. Впрочем, скоро сама все увидишь, — она весело рассмеялась. От Алисы всегда исходила такая мощная позитивная энергия, что я невольно заражалась ее оптимизмом, как бы тяжело ни было на душе.

Примерно через десять минут в дверь снова постучали. Прогноз Алисы сбылся — на пороге действительно стоял Марк. Мы устроились прямо на ковре у камина. Я принесла всем по кружке дымящегося горячего шоколада, и мы разложили настолки. Я обожала такие посиделки. В детстве мы часто устраивали их с родителями, а когда подросток Кевин, это и вовсе стало нашей главной семейной традицией.

— Сегодня шикарный день! — начала Алиса. — Правда, холодновато, но это мелочи.

— Это точно, — согласилась я, выдавив из себя подобие улыбки.

Мое притворство не укрылось от чуткого взгляда подруги. Она отложила карточки в сторону:

— Ари, все в порядке?

Я судорожно выдохнула, пытаясь отогнать дурные предчувствия и вернуться к реальности.

— А? Да, нормально... Если можно так сказать.

— Но я вижу, что что-то случилось? — Не сдалась Алиса.

Я сглотнула вязкий ком:

— Мой папа... Он позавчера пропал без вести в шахте. Никто не знает, что там произошло.

— Твой папа? Значит, он все-таки оказался среди тех рабочих? — подал голос Марк. — Это ужасно! Надеюсь, его скоро найдут.

Алиса метнула на него мимолетный раздраженный взгляд — ее всегда злило, когда Марк витал в облаках и ляпал первое, что приходило в голову. Подруга мягко перехватила мою ладонь.

— Уверена, с ним все будет хорошо. Если вам понадобится хоть какая-то помощь — ты только скажи, Ари, слышишь? Мы рядом, — она крепко прижала меня к себе.

Сдерживаться больше не хватало сил. Горячий ком перекрыл горло, и обжигающие слезы хлынули из глаз прямо на ее ярко-желтый свитер.

— Да, Ариэль, мы всегда рядом и во всем поможем, — Марк ободряюще сжал мое плечо. — Главное — не падай духом, ничего еще не потеряно.

Понадобилось несколько минут, чтобы я наконец пришла в себя и вытерла мокрые щеки. Дав ребятам понять, что со мной все в порядке, я попыталась перевести тему.

— Итак, ладно. Какие планы на завтра? — поинтересовался Марк, возвращаясь к игре.

— Понятия не имею. А что завтра? — недоуменно моргнула я.

Алиса всплеснула руками и весело ахнула:

— Точно! Завтра же субботняя ярмарка!

— Бинго! — щелкнул пальцами Марк. — На площади будут продавать кучу праздничных угощений, хэндмейд-игрушек и сувениров. Мы просто обязаны туда сходить.

— И мы пойдем, правда ведь, Ари? — Алиса с надеждой заглянула мне в глаза. Это отличный повод хоть немного развеяться и отвлечься от тяжелых мыслей. Отказываться смысла не было. На ярмарках у нас всегда царило особое, сказочное веселье.

— Наверное, ты права. Давайте ходим, — согласилась я.

— Ура! Тогда встречаемся завтра на площади у центрального фонтана. Скажем, ровно в восемь утра. И чур не опаздывать! — скомандовала Алиса.

— Договорились, — в один голос отозвались мы с Марком.

Ближе к вечеру я попрощалась с ребятами. Кевин позже пришел, и мы остались дома одни в томительном ожидании мамы. Чтобы хоть как-то скоротать время, брат начал беситься, и под конец дня его энергия окончательно выплеснулась через край.

— Отдай сейчас же мою толстовку! — кричала я, пытаюсь поймать этого мелкого проныру.

— Не догонишь! Не догонишь! Не догонишь! — вопил он на весь дом, ловко лавируя между креслами. В разгар нашей погони в прихожей оглушительно щелкнул замок, и входная дверь тяжело отворилась. Мы с Кевином мгновенно замерли и разом бросились в коридор.

— Мама! — в один голос выдохнули мы. — Ну что, известно что-нибудь? Что с папой? — засыпали мы ее вопросами, перебивая друг друга.

— Я первый спросил! — попытался встрять Кевин.

— Помолчи ты, — отмахнулась я, не сводя глаз с мамы. Она лишь молча и обреченно покачала головой. У меня внутри все оборвалось, а плечи бессильно опустились.

— Нет, милые мои, — тихо произнесла мама, устало прислонившись к косяку. — Как я ни пыталась добиться хоть каких-то ответов от шерифа, он лишь качал головой. Уклонялся от прямых вопросов и твердил, что им самим пока ничего не понятно.

— Вот же придурки! — зло выругался Кевин.

— Кевин, выбирай выражения! — автоматически прикрикнула я, хотя в душе была с ним полностью согласна. Полицейские и городские власти вечно либо отмалчивались, либо откровенно врал. «Это для вашей же безопасности», — обычно твердили они в таких случаях. Но сейчас от этой «безопасности» веяло могильным холодом.

— И ты действительно ему веришь? — я пристально посмотрела на маму.

— Выбора у нас все равно нет, — тяжело вздохнула она, проходя на кухню. — Так что давайте ужинать и ложиться спать. Завтра суббота, на ярмарке соберется весь город. Может, среди людей пойдут какие-то слухи или появятся новые зацепки.

Глава 3

В ту ночь я толком не спала. Я отчаянно ждала эту ярмарку, надеясь, что праздничная суета поможет мне хоть немного отвлечься. Но мысли постоянно возвращались к отцу. Где он сейчас? Жив ли? Вдруг ему больно и он замерзает один в темноте подземелий?.. От этих вопросов сердце сжималось в тиски. Лишь спустя несколько часов бесплодных попыток найти удобную позу я все же провалилась в тяжелое забытие.

Когда будильник зазвонил уже в третий раз, я через силу заставила себя подняться. Ощущения были отвратительными — казалось, я не сомкнула глаз ни на секунду.

В ванной я долго умывалась ледяной водой, пытаюсь скрыть следы усталости и темные мешки под глазами. Это более-менее приободрило меня и вернуло к жизни.

— Ари! Вот ты где! — Алиса восторженно замахала рукой, стоило мне приблизиться к центральному фонтану, и тут же заключила меня в жаркие, крепкие объятия.

— А где Кевин с мамой? — поинтересовалась она, оглядываясь по сторонам.

— Они подойдут попозже.

— Как вы вообще держитесь? Нашлись хоть какие-то зацепки? — ее голос стал тише и сочувственнее.

— Более-менее, — я отвела взгляд. — Новостей никаких. Мама вчера весь вечер пыталась добиться ответов в участке, но все без толку.

Алиса заметно поникла, но тут же ободряюще улыбнулась:

— Ну ничего, вот увидишь, все еще обязательно наладится!

В этот момент к нам торопливым шагом подошел Марк. Поприветствовав нас, он махнул рукой в сторону торговых рядов, и мы вместе двинулись в глубь площади.

Вокруг царило поистине сказочное оживление. Из колонок гремела веселая рождественская музыка, прилавки сверкали разноцветными гирляндами, а деревянные навесы блестели от множества хвойных венков и разноцветных игрушек. Торговые ряды ломились от праздничных угощений. На прилавках красовались яблоки в шоколаде, пышные пончики, расписные пряники и горы разноцветных леденцов. Соседние лавки манили обилием новогодних товаров: там продавали пушистые гирлянды, фигурки Санты и оленей, забавные мягкие игрушки и уютную зимнюю одежду.

На каждом шагу устраивали веселые конкурсы. То тут, то там можно было бесплатно выиграть какой-нибудь сувенир или сладость, совсем как в парке аттракционов.

Марк с Алисой увлеченно обсуждали ярмарочные прилавки, то и дело пытаясь втянуть меня в беседу.

— Ариэль, смотри, как тут здорово! — наперебой твердили они.

Я лишь молча натягивала улыбку. Сердце было не на месте: помимо непреходящей тревоги за отца, меня преследовало смутное, липкое предчувствие беды.

Первым делом мы притормозили возле мужчины, торговавшего домашними леденцами. Его облик сразу заставил меня насторожиться. В его фигуре и лице сквозило что-то глубоко неправильное, пугающее, но я никак не могла уловить, что именно.

— Здравствуйте! — Марк приветливо улыбнулся торговцу. Мужчина в ответ лишь уставился на нас пустым, пугающе отрешенным взглядом.

— Можно нам, пожалуйста, три карамельные трости? — вежливо попросил Марк.

Торговец несколько секунд неподвижно гипнотизировал нас глазами, а затем резко, словно марионетка, развернулся к прилавку. Он отсчитал три леденца и протянул их Марку. Друг потянул сладости на себя, но мужчина мертвой хваткой вцепился в угощение, продолжая смотреть куда-то сквозь нас.

Неожиданно его губы дрогнули, и он заговорил:

— Кровь... прольется... Он... нас всех... Неизбежность... Рождество — это смерть, — заикаясь, незнакомец с трудом выдавливал из себя эти бессвязные слова. Его белки налились багровой краснотой, а из затуманенных глаз вдруг хлынули слезы. При этом само лицо оставалось абсолютно каменным, без единой живой эмоции.

Наконец он разжал пальцы и опустил руку. Марк, едва дыша, забрал леденцы.

— А... э-э... Да. Спасибо... Хорошего дня, — только и смог выдавить опешивший друг.

— Что это вообще, блин, сейчас было?! — Марк нервно обернулся, когда мы отошли на безопасное расстояние.

— Точно ничего хорошего, — еле слышно прошептала я, чувствуя, как морозный воздух обжигает легкие.

— Может, он просто решил так глупо приколнуться? Ну, устроить рождественский перформанс? — неуверенно предположила Алиса.

— Хотелось бы верить... — вздохнула я.

Но на шутку это походило меньше всего. Настоящие безумцы не плачут кровавыми слезами с каменным лицом.

— Самое жуткое, что я видела его здесь кучу раз, — тихо добавила Алиса, испуганно озираясь. — Он всегда был таким веселым, добрым, мухи бы не обидел... Что с ним стряслось? Мы изо всех сил постарались выкинуть этот инцидент из головы и продолжить прогулку. Праздничная суeta вокруг здорово в этом помогала: громкий смех, аромат выпечки и яркие огни постепенно заглушили липкий страх.

Мы направились в самый конец площади, собираясь присесть на лавочку, как вдруг...

— Эй, смотрите! — закричал Марк, резко остановившись. — Там, у деревьев! — он указал в сторону леса.

— Я никого не вижу, — Алиса замерла, вглядываясь в чащу.

Сначала и мне казалось, что там лишь заснеженные стволы. Но неожиданно между соснами мелькнул густой черный силуэт.

— Ты про ту тень? — тихо спросила я.

Кто-то двигался очень медленно, словно крадущийся хищник. Незнакомец был полностью облачен во все черное... кажется, в длинный тяжелый плащ.

Не успели мы толком его разглядеть, как Алиса испуганно вскрикнула. Ситуация вокруг взорвалась в одно мгновение: завывли сирены, и мирная толпа превратилась в безумное людское море. Люди бросились врассыпную, толкая друг друга, крича и в панике размахивая руками.

Праздничная сказка обернулась фильмом ужасов. На земле валялись растоптанные игрушки, оборванные гирлянды и мишура. Перепуганные горожане бежали прямо по ним, ничего не замечая. Я на секунду оглянулась на опушку леса, но загадочного силуэта и след простыл.

— Ариэль! Марк! Алиса! — из толчеи к нам выскочили мама с Кевином. — Скорее, бежим отсюда!

Не сказав ни слова, мы рванули с места, унося ноги как можно дальше от площади. Сквозь приглушенный гул и топот до меня доносились резкие приказы полицейских: «Выводите всех!.. Там все в крови!.. Здесь опасно, уходите!».

Кровь пульсировала в висках, сердце бешено колотилось, паника сковала тело. Мы мчались изо всех сил. В какой-то момент я споткнулась и на полном лету пропахала лицом ледяной сугроб. Из-за дикого выброса адреналина я почти не почувствовала холода и боли от острой ветки, знатно расцарапавшей мне щеку. Марк мгновенно подхватил меня за руки и буквально выдернул с земли. И мы снова побежали.

Когда наша компания наконец тяжело задышала у крыльца нашего дома, Алиса первая озвучила то, что крутилось у каждого в голове:

— Что, черт возьми, происходит?! — ее голос дрожал, она бессильно опустилась на колени прямо в снег, пытаясь отдышаться.

— Живо заходите в дом, все! — скомандовала мама.

Стоило нам переступить порог, как она заперла замок на все обороты и принялась поспешно задерживать шторы на окнах.

— Мама?.. — встревоженно позвала я ее.

Мама обернулась, ее лицо было бледнее снега:

— Прямо в разгар праздника бесследно исчез тот мужчина, который торговал леденцами. Возле его прилавка обнаружили лужи крови.

Глава 4

Меня охватила ледяная волна ужаса. «Тот самый продавец, у которого мы только что купили сладости?! Который заикался от шока и плакал?.. Что, если он действительно пытался нас предупредить?»

Испуганный возглас Алисы вырвал меня из оцепенения.

— Но мы же только что стояли у его прилавка! — она нервно сжала кулаки. — Правда... выглядел он и впрямь ненормальным.

Марк хмуро кивнул:

— Он бредил какими-то бессвязными вещами. Что-то вроде: «кровь прольется, неизбежность, Рождество — это смерть»...

— Ого! Прямо как в моих ужастиках! — воскликнул Кевин, округлив глаза.

— Да, Кевин, именно, — тихо согласилась Алиса, испуганно приобняв себя за плечи.

Я медленно окинула взглядом комнату. Лицо каждого из присутствующих было бледным и осунувшимся. Разговоры затихли, и дом погрузился в тяжелое, зловещее молчание — каждый остался наедине со своими худшими страхами.

Спустя полчаса Марк с Алисой засобирались домой — каждого в столь тревожное время ждали взволнованные родители.

Следующий день пролетел серой, незаметной чередой. За окном прочно установилась хмурая, по-настоящему суровая морозная погода.

— Mam, мне тут Алиса звонила, — со вздохом нарушила я тишину. — Зовет прогуляться. Предложила сходить на каток.

— Вы уверены? Время сейчас, мягко говоря, не самое подходящее для прогулок, — обеспокоенно нахмурилась мама.

— Но, мам, два дня уже прошло. На улицах полно патрулей, да и новостей больше никаких нет. Не сидеть же вечно взаперти.

— Вы пойдете кататься на коньках?! — Кевин, подслушивавший наш разговор из соседней комнаты, радостно ворвался в кухню. — Я тоже хочу с вами!

— Что? Кевин! — всплеснула руками мама. — Я Ариэль-то еще не отпустила, а ты уже коньки шнуруешь!

— Ну мам, мы же будем все вместе, честное слово, — пообещала я. — Никто никого не оставит ни на минуту. Нас ведь четверо будет, включая Марка.

Понадобился целый миллион уговоров, но в конце концов мы все же добились своего.

На улице снова царил лютый мороз. Солнце то робко пробивалось сквозь плотные тучи, то вновь бесследно скрывалось за ними. Мы побросали вещи в рюкзаки и двинулись в путь. Дорога заняла минут тридцать.

— Ну что, как вам? — обернулась Алиса. Именно она была инициатором этой вылазки. — Скажите, ведь красиво?

Перед нами раскинулся огромный лесной пруд, скованный толстым, зеркально-гладким льдом. Его плотным кольцом окружали высокие могучие сосны, чьи заснеженные лапы свисали прямо к воде. Место выглядело завораживающе и... абсолютно безлюдно.

— Красиво, слов нет. Но не слишком ли тут многолюдно? — с сарказмом усмехнулся Марк, оглядывая пустой берег.

— Нас же целая толпа! Любой маньяк испугается и сбежит! — храбро воскликнул Кевин, подпрыгивая на месте.

— Вот именно, — с улыбкой подмигнула ему Алиса. — Да ладно вам, ребят. День на дворе, ничего не случится.

Мы с Марком обменялись быстрыми, полными сомнения взглядами.

— Ну... ладно, уговорила, — неуверенно сдался друг. Мы переобулись, затянули шнурки и один за другим осторожно ступили на лед.

Погода для катания выдалась идеальной. Легкий морозный ветерок приятно обдувал лицо, а размеренные, плавные движения помогали наконец расслабиться и забыть о тревогах. Скользить по льду меня научил отец, когда я была еще совсем крохой. Я никогда не забуду тот день: тогда от многочисленных падений я знатно расшибла себе нос, но мы все равно смеялись от всей души.

Сегодня мы изо всех сил пытались ловить эти редкие мгновения беззаботности.

Алиса скользила увереннее и быстрее всех — она уже умчалась на противоположный конец пруда. Марк с Кевином со смехом выписывали пируэты где-то посередине, а я держалась чуть в стороне, у самого берега, ближе всего к заснеженным деревьям.

Неожиданно краем глаза я уловила едва заметное движение позади себя. Резко обернувшись, я оцепенела. Там, в густой тени между сосновых стволов, снова застыл тот самый черный силуэт. В этот раз он не пытался скрыться — незнакомец стоял абсолютно неподвижно и, казалось, буравил меня невидимым взглядом.

— Эй... ребята! — крикнула я, изо всех сил стараясь сорвать голос.

Марк, Алиса и Кевин одновременно замерли и обернулись ко мне. Нахлынувшая волна дикой тревоги в секунду переросла в ярость. Земля ушла из-под ног, я едва удержала равновесие на тонких лезвиях коньков. Больше не было сил бегать и прятаться.

— Кто ты такой и что тебе нужно?! — закричала я в глубь леса, обращаясь к застывшему незнакомцу.

Черная фигура не шелохнулась. Но вдруг... существо медленно подняло руку и указало пальцем прямо перед собой. На кого именно — на меня, на испуганных ребят посередине пруда или на замерший вдали город, — я разобрать не успела. В то же мгновение лесную тишину разорвал истошный, леденящий душу крик.

Я резко обернулась. Марк с Кевином на бешеной скорости мчались на другой конец пруда... а самой Алисы нигде не было видно. Не раздумывая ни секунды, я рванула за ними. Стоило мне приблизиться к месту, как сердце пропустило удар: посреди разбитых осколков льда зияла черная полынья. Алиса ушла под воду. Волна леденящего ужаса мгновенно накрыла меня с головой.

— О нет! Алиса! — в панике закричала я.

— Алиса, держись! — доносились со стороны крики парней, но голоса казались мне приглушенными, словно я находилась под плотным куполом.

Несколько страшных секунд на поверхности пруда была лишь крутящаяся ледяная каша. Но вдруг из темной воды судорожно вынырнули ее руки.

— ХВАТАЙТЕ ЕЕ, СКОРЕЕ! — не своим голосом заорал Марк.

— Тяните, тяните! — почти плача, помогал Кевин.

Навалившись всем скопом, мы из последних сил вытянули Алису на прочный лед. Подруга была без сознания. Ее кожа на глазах покрывалась пугающей краснотой, губы и кончик носа посинели, а на ресницах застыли крупинцы льда. Осознание катастрофы возвращалось ко мне вместе с бешено колотящимся сердцем. Руки крупно тряслись, но я отчаянно пыталась сохранить остатки рассудка.

— Нужно срочно тащить ее в тепло и вызывать скорую! — скомандовала я.

Дрожащими от холода пальцами Марк кое-как набрал на телефоне экстренный номер. Кевин, сорвав коньки, со всех ног помчался к поселку, чтобы отыскать родителей Алисы.

Те бесконечные минуты, пока мы с Марком на себе тащили обмякшее, ледяное тело подруги сквозь сугробы, показались мне целой вечностью.

И вот наконец в конце заснеженной дороги мы увидели ее перепуганных родителей и мигающие огни машины скорой помощи. Кевина с ними не было — скорее всего, брат сразу побежал домой, чтобы обо всем рассказать нашей маме.

Дальнейшее пронеслось перед глазами как один смазанный кадр. Обмякшую Алису аккуратно, но быстро погрузили в реанимобиль, а мы с Марком поехали следом в машине ее родителей. Атмосфера в салоне была удушающей.

— Объясните, ради Бога, что, черт возьми, произошло?! — голос отца Алисы дрожал от страшного напряжения и глухой, подступающей злости.

— Сэр, поверьте, это вышло совершенно случайно, — бледный Марк пытался говорить максимально спокойно и рассудительно. — Мы просто катались на коньках. И вдруг, ни с того ни с сего, лед под Алисой треснул, и она ушла под воду. Мы сразу же бросились на помощь и вытащили ее.

Перед моими глазами с новой силой закрутились кошмарные образы: мокрые ледяные пальцы подруги, ее ничего не выражающее, посиневшее лицо, иней на ресницах... Навалившееся чувство вины буквально лишало возможности дышать. К горлу подкатил жгучий ком. Я резко задрала голову к потолку, изо всех сил моргая и пытаюсь сдержать рвущиеся наружу слезы.

Стоило нам ворваться в приемный покой больницы, как каталку с Алисой мгновенно увезли за двери реанимации.

Мы остались ждать в пустом холодном коридоре. Чуть поодаль родители Алисы о чем-то взволнованно переговаривались с лечащим врачом.

— Понять не могу... — хмуро начал Марк, меряя шагами кафельный пол. — Как это вообще возможно? Лед на пруду был толстенный, у нас уже несколько недель стоят лютые морозы... Она просто не могла провалиться!

— Да... Я думаю, тот человек в черном плаще как-то связан с этим, — тихо произнесла я, обхватив себя руками за плечи.

— Тот самый, которого ты заметила в лесу перед криком? — Марк резко остановился и посмотрел на меня.

— Да. Он точно такой же, как и на ярмарке... погоди, а ты сам его разве не разглядел?

— Я сначала не понял, куда именно ты смотришь. Но когда пригляделся, тоже успел уловить этот черный силуэт... Видимо, это был он. Ты ведь что-то кричала ему? — спросил Марк.

— Я спросила, кто он такой и что ему нужно. В ответ он просто поднял руку и указал пальцем... Кажется, на нас. Или на Алису. Я не уверена...

— Черт... Но зачем ему мы? Или кто-то из местных жителей?.. — Марк в растерянности запустил пятерню в волосы.

Не успела я хоть что-то предположить в ответ, как к нам тяжелым шагом подошли бледные родители Алисы.

— Алиса в реанимации, — глухо произнесла ее мама, утирая заплаканное лицо дрожащим платком. — Что бы у вас там ни произошло на этом проклятом пруду — это ваша вина! Вы не уберегли ее!

— Послушайте, сэр, мэм... — попытался заступиться Марк, но женщина резко перебила его, почти срываясь на крик:

— Нет, это вы послушайте! Мы запрещаем вам обоим даже приближаться к нашей дочери!

На меня мгновенно нахлынула удушливая волна обиды, непонимания и злости. Кровь яростно запульсировала в висках.

— Мы не виноваты, — чеканя каждый слог, сквозь зубы выдавила я. — Никто из нас не знал, что лед треснет. Мы вообще впервые были в том месте, Алиса сама нас туда привезла!

— Не смей перекладывать вину на нашу дочь и повышать здесь голос! Если бы не вы и ваши дурацкие прогулки, все бы обошлось! — рявкнул отец Алисы, заслоняя собой жену. — А теперь убирайтесь отсюда. Чтобы мы вас больше никогда рядом с ней не видели!

Сдерживать слезы больше не было сил. Они горячим, обжигающим потоком хлынули из глаз. Злость и горечь смешались внутри в один уродливый ком, и я просто физически не смогла выдать больше ни слова.

Марк, бледный как полотно, молча перехватил мою дрожащую руку и потянул к выходу из больничного коридора.

Глава 5

— Я провожу тебя, — сказал Марк, как только мы вышли из больницы.

Погода все еще стояла серой и хмурой. Солнце скрылось, а под ногами застыл опасный гололед. Марк держал меня за руку, и половину пути мы прошли в тишине. Я переваривала случившееся — мысли хаотично метались, не желая складываться в общую картину.

— Это так... несправедливо... — сорвалось у меня с губ. Хотелось кричать, но сил хватило лишь на шепот.

— Знаю... — Марк помрачнел. — Такова реальность. Какого фига этот маньячела вообще смог сделать что-то со льдом... или с Алисой?..

Погрузившись в размышления, мы и не заметили, как застыли у моего дома.

Кевин и мама встретили нас перепуганными взглядами и жаркими объятиями.

— Алису положили в реанимацию, — еле сдерживая слезы, выдохнула я слабым голосом.

— Что?! — Кевин побелел.

— Тихо, тихо... Не переживайте. Все будет хорошо, ее скоро выпишут, вот увидите, — безнадежно успокаивала мама. От ее мягкого тона и самого присутствия на душе стало капельку легче.

— Ну-у... — протянул Марк. Я сразу догадалась, к чему он клонит. — Вообще-то, нам запретили видеться с Алисой. Совсем.

Мама замерла, ее серые глаза округлились от удивления, а у Кевина буквально отвисла челюсть.

— Кто мог такое сказать? — нахмурилась она.

— Ее родители! Мы сами поверить не можем! — ответила я.

Мама задумалась, на ее лбу прорезались глубокие морщинки. Она привычным жестом заправила прядь пшеничных волос за ухо:

— Знаете... дайте им время прийти в себя. Меган и Ричард — замечательные люди. Сколько их знаю, они всегда были доброжелательными и первыми бежали на помощь. Просто то, что сейчас творится в городе, сводит с ума всех нас.

— Хм... Может, наш город прокляли? Или прислали маньяка, чтобы всех нас истребить? — озвучил Кевин теорию со свойственным ему богатым воображением.

А, впрочем, может, это и правда? Сейчас абсолютно все невозможное казалось реальным. Марк встретился со мной взглядом. Я буквально прочитала его мысли.

— Кстати... Мы уже два раза видели незнакомца в черном плаще, — как из пулемета выпалила я. Почему-то произносить это вслух было тяжело, до дрожи. Марк кивнул, подтверждая мои слова:

— Да, он появляется именно перед тем, как случается что-то хреновое. Сперва мы заметили его в лесу на ярмарке...

— А потом на замерзшем пруду, — перебила я. — Но стоит беде случиться, он тут же исчезает.

— Звучит безумно... Слишком много совпадений, — задумчиво произнесла мама и вдруг побледнела. — Я же вамеще не сказала про Эмми! Нашу соседку. У нее тоже пропал брат. Ушел на работу и не вернулся... — мы все переглянулись. — А в офисе и вовсе заявили, что его сегодня не было!

— Чертовщина какая-то, — пробормотал Кевин, окончательно впадая в ступор.

— Она самая... — вздохнул Марк.

— Чертовщина или нет, но все выглядит так, будто беда постепенно заглядывает в каждую семью в этом городе.

— Видимо, так и есть, — у мамы поникли плечи. Я поняла, о чем она думает без слов. Наша семья уже тоже оказалась в этом жутком списке.

Новостей о рабочих, пропавших в шахте, до сих пор не было. А потому никто не знал, где сейчас папа и остальные пропавшие.

Мама напоила нас вкусным горячим чаем с ароматным имбирным печеньем. Вскоре после этого Марк попросился и ушел к себе. Эту ночь, как и многие предыдущие, я толком не спала. В голове роилось слишком много дурных мыслей, от которых невозможно было скрыться.

На часах было 4:30. Поняв, что уснуть не получится, я решила спуститься на кухню за стаканом воды. За окном стояла крошечная тьма. «Хоть глаз коли», — вспомнила я присказку, которую всегда любил повторять папа, и непроизвольно улыбнулась.

— Мы найдем тебя, папа, — тихо пообещала я темноте.

Тут раздается громкий стук в дверь. Я вздрогнула, едва не выронив чашку. «Кого еще принесло в пять утра?» — пронеслось в голове.

На всякий случай перехватив поудобнее тяжелую скалку, я подошла к двери, щелкнула выключателем и прильнула к глазку. На пороге стоял Марк. От неожиданности я опешила.

— Ариэль, это ты? У меня... проблема, — раздался из-за двери его встревоженный голос.

— Что еще за проблема? — я повернула замок и распахнула дверь. Вид у Марка был потрепанным. Под глазами залегли темные тени — видимо, ночка выдалась не из легких.

— Моя мама... Думаю, она пропала, — чужим, бесцветным голосом выпалил он.

Мои глаза округлились:

— Что?!

— Нужно спешить, может, еще удастся найти зацепку.

Марк решительно шагнул в прихожую. Я бросилась в комнату, стараясь не шуметь, чтобы никого не разбудить. Наспех натянула голубой свитер, штаны, сверху бросила пуховик, и мы наперегонки с ветром помчались к его дому.

Ледяной воздух обжигал лицо и перехватывал дыхание. Легкие горели от мороза, но я упрямо бежала вперед. Чем дальше мы продвигались, тем хуже была расчищена дорога. Свежий снег проваливался под ногами, отнимая последние силы. В какой-то момент я безнадежно отстала от Марка и, тяжело дыша, замерла. Его семья жила на самой окраине городка. Их дом, затерянный среди глухих кустов и угрюмых деревьев, стоял на отшибе, прячась в глубине небольшого оврага.

- Ариэль! Ты как? — крикнул Марк. — Осталось совсем немного! Потерпи! Знаю, живем мы у черта на куличках.

Я слабо улыбнулась. Но тут боковым зрением уловила движение слева, в гуще деревьев. В темноте мелькнул силуэт — я не успела разобрать, человек это или зверь, но внутри неестественно громко взвыл инстинкт: нужно догнать. Прежде чем страх успел взять верх, я рванулась следом в чащу.

- АРИЭЛЬ! — донесся со спины отчаянный крик Марка, но хлесткий ночной ветер заглушил его. Я была полностью сосредоточена на ускользающей тени.

Приходилось лететь сломя голову во мрак. Ветки безжалостно хлестали по лицу, под ногами хрустел наст. Вокруг грохотал тяжелый топот, и в панике я не могла разобрать: то ли это стучало мое собственное сердце, то ли меня нагонял Марк, то ли существо впереди намеренно заманивало меня вглубь. Адреналин выжигал легкие. Время потеряло всякий смысл — погоня казалась бесконечной.

Внезапно луна пробила плотные тучи, резко озарив холодным светом глухой подлесок. Тень исчезла. Я резко затормозила на узкой заснеженной тропе, судорожно хватая ртом воздух. Цель была упущена. Лес вокруг казался чужим и зловещим: вековые сосны безмолвно

давили высотой, а на девственном снегу путались странные, едва различимые следы лап. Сзади послышался хруст веток и тяжелое, прерывистое дыхание.

— Ариэль! Вот ты где! Черт... — Марк уперся руками в колени, пытаясь перевести дух.
— Ты неслась как безумная! Что это, блин, сейчас было?!

— Прости... — я поежилась от нахлынувшего холода. — Мне показалось, там кто-то стоял. Я побежала наперерез, но... сам видишь. Никого.

Марк хмуро огляделся по сторонам и тихо добавил:

— Или оно успело уйти.

— В любом случае, нужно срочно проверить твой дом.

Мы поспешили обратно. К моему удивлению, мы вышли на опушку всего через пять минут. Ха. Лес будто сжался: мне-то казалось, что в безумном порыве я унеслась за несколько километров от спасительного порога.

Во всех окнах дома горел свет, агрессивно прорезая ночную темноту. Заметив мое замешательство, Марк виновато почесал затылок:

— Я включил иллюминацию во всех комнатах, перед тем как выйти. На всякий случай.

— Ничего, так даже лучше... - тихо ответила я.

Желтые квадраты света из окон ложились на снег, немного освещая нам путь, пока мы спускались по склону. За все время нашего общения я впервые оказалась у него в гостях. «Но отвлекаться нельзя, у нас сейчас совсем другая цель», — оборвала я собственные мысли, когда Марк осторожно толкнул входную дверь. Она оказалась незапертой.

Мы вошли внутрь, напряженно вслушиваясь в тишину. Первым делом в глаза бросился длинный, узкий коридор с темно-зелеными обоями. В центре сиротливо высилась тумба с пустой вазой, в углу примостился совок для мусора. Марк двигался быстро, на ходу вполголоса поясняя планировку — скорее от нервного напряжения, чем ради экскурсии:

— Слева кухня...

Я мазнула взглядом по комнате: аккуратная, домашняя, у окна — небольшой столик из темного дуба, на котором сиротливо белела солонка. Никаких следов погрома или чужого присутствия.

— Справа ванная, — продолжал он, ведя меня дальше. — Там, в глубине, две жилые комнаты и гостиная.

Мы заглянули в комнату Марка. Она оказалась просторной и по-своему уютной, несмотря на витавшую в воздухе тревогу. Над рабочим столом тянулись полки, плотно забитые книгами — масштаб домашней библиотеки меня приятно удивил. Большая кровать, развешанные по стенам фотографии, несколько спортивных медалей на видном месте... Все было в идеальном порядке. Обычное жилье молодого парня. И только сейчас я обратила внимание, что в доме нет ни одной гирлянды. Они с семьей так и не стали украшать его к Рождеству.

В спальне матери Марка царил привычный бытовой беспорядок: измятая, незаправленная постель, брошенная на кресло домашняя одежда, сиротливый стакан с недопитой, уже помутневшей водой на прикроватной тумбе. Ничего, что указывало бы на борьбу.

Оставалась только гостиная.

Мы вошли туда затаив дыхание. Массивные кресла в полумраке казались притаившимися хищниками, высокие книжные шкафы уходили под потолок, а в глубине комнаты чернел зев нетопленного камина. Поначалу все выглядело мирно. Но стоило мне сделать несколько шагов к окну, как в нос ударил едва уловимый, но ни с чем не сравнимый металлический запах. К горлу мгновенно подступила тошнота.

Кровь.

Напольное покрытие было залито багровыми каплями, а на светлой обивке кресла расплывалось жуткое, еще не до конца просохшее пятно.

— Марк... посмотри на это, — мой голос сорвался на хриплый шепот.

Он шагнул ко мне, и в ту же секунду его лицо мертвенно побледнело, а черты исказились от подступающего ужаса.

— Господи... Нет, нет, нет... — забормотал он, пятясь назад.

— Ты заходил сюда сегодня? — спросила я, чувствуя, как внутри все сжимается от ледяного страха. — Когда искал ее?

— Нет! Я только мельком заглянул в коридор, выкрикнул ее имя и, никого не найдя, сразу побежал к тебе! — в его голосе зазвенела паника пополам с виной. — Черт, почему я не включил свет сразу? Почему не проверил нормально?!

— Тише, Марк, успокойся, ты не мог знать... — я попыталась перехватить его задрожавшие руки, хотя у самой подкашивались ноги. Мысли лихорадочно цеплялись за факты. — Помнишь ту лавку торговца? Там ведь тоже была кровь... Вдруг это связано? Вдруг...

Договорить я не успела. Сверху, прямо над нашими головами, раздался отчетливый, глухой скрежет, перешедший в приглушенный шаг. Я замерла, боясь сделать даже вдох. Марк резко вскинул голову. Его глаза округлились от осознания, а на лбу выступила холодная испарина.

Чердак. Мы совсем забыли про *чердак*.

Марк взял молоток, побелевшие пальцы намертво сжали деревянную рукоять. Мы на цыпочках вышли в коридор. Стараясь не шуметь, он потянул за кольцо и медленно, сантиметр за сантиметром, спустил вниз деревянную лестницу чердачного люка. Марк полез первым. Я двинулась следом, почти наступая ему на пятки и содрогаясь от каждого скрипа ступеней.

Наверху в нос мгновенно ударил затхлый запах вековой пыли, смешанный с чем-то тяжелым, сырым и пугающе сладковатым. Пылинки густо стояли в воздухе, неохотно оседая на одежду.

Марк вслепую повел рукой, нащупал свисающий шнур и дернул его. Одинокая тусклая лампочка под потолком вспыхнула, едва разгоняя густой мрак. В ее желтом мареве проступили контуры заброшенного пространства: горы разнокалиберных картонных коробок, узлы с вещами, накрытая саваном пыли старая мебель.

Мы медленно двинулись вперед, обходя хлам. Шаг. Еще шаг. Возле массивного ободранного кресла в самом углу я резко замерла, едва не врезавшись в спину Марка. Из темноты за обшивкой донеслось прерывистое, хриплое дыхание.

Сердце пропустило удар. Я судорожно схватила Марка за локоть и указала пальцем в темноту. Он мгновенно выставил молоток перед собой, заслоняя меня плечом, и сделал осторожный шаг к креслу.

Секунда томительного ожидания — и его фигура вдруг обмякла. Напряжение, сковавшее его тело, исчезло, плечи опустились, а пальцы ослабили настолько, что молоток с глухим стуком вывалился из рук на старый ковер. Лицо Марка исказилось, но уже не от ужаса — по щекам покатались крупные слезы, а из груди вырвался судорожный вздох.

— Мама... — едва слышно, одними губами произнес он и бросился вперед.

Глава 6

Я ожидала увидеть худшее, но зрелище все равно заставило меня содрогнуться. Настоящий шок вызывало то, во что превратилась эта женщина.

Мать Марка сидела в углу, намертво поджав колени к груди. В кровь искусанные губы мелко дрожали, а воспаленные от недосыпа глаза безумно метались между мной и сыном. Растрепанные русые волосы прилипли к взмокшему лицу, а в судорожно сжатых пальцах она держала острый осколок разбитого стекла, угрожающе поблескивавший в тусклом свете лампы.

— Мама, все хорошо, это я... — Марк медленно опустился на колени, протягивая к ней ладони. Он пытался говорить спокойно, но его голос предательски срывался. — Ты в порядке? Слышишь меня?

— Вы видели его? — не выдержав, тихо спросила я. Понимая, что передо мной, возможно, единственная выжившая жертва, я едва сдерживала дрожь. Она платила за этот секрет своим рассудком.

Женщина резко вскинула голову и посмотрела на меня в упор. В ее больших, пронзительных зеленых глазах на мгновение промелькнуло что-то, заставившее меня вспомнить об Алисе. К горлу подступил знакомый ком тоски, но я резко тряхнула головой, заставляя себя сосредоточиться на главном.

— Что он с вами сделал? — повторила я, делая шаг вперед. Глаза женщины округлились от потустороннего ужаса, она судорожно глотнула воздух:

— Он... он...

— Мама, тише, мы рядом, все позади, — взмолился Марк, пытаясь перехватить ее руку с осколком.

— Он скоро придет! — вдруг пронзительно вскрикнула она. Женщина неестественно резко вскочила на ноги, выронив стекло — оно со звоном разлетелось у наших ног. Подбежав к чердачному окну, она заговорила совершенно чужим, утробным и глубоким голосом. От этого леденящего тона у меня по спине пробежали мурашки — точно так же на ярмарке вещал тот безумный торговец.

— Это вопрос времени. Они умрут. Никто не успеет, — она медленно повернулась к нам. Ее зрачки расширились, а радужка глаз вспыхнула изнутри неестественным, фосфоресцирующим синеватым светом.

— Лишь луна взойдет. Праздник придет. Конец близок!

Последнее слово перешло в хрип. Сияние в глазах мгновенно угасло, подогнувшиеся колени подкосились, и она тяжело рухнула на доски пола, потеряв сознание.

— МАМА! — в ужасе закричал Марк, подхватив ее обмякшее тело. — Ариэль, скорую! Живее!

Дальнейшее я помнила смутно: завывание сирены, смазанные огни ночного города за окном кареты скорой помощи и холодный кафель больничного коридора. Мать Марка тут же увезли в реанимацию. Происходящее жутким, болезненным дежавю отозвалось в моей памяти, возвращая старые страхи.

— Марк, мне так жаль... — тихо начала я, пытаясь коснуться его плеча.

— Я знаю, — резко оборвал он, уставившись в одну точку. В его глазах застыло глухое отчаяние.

Атмосфера давила. Чтобы как-то отвлечь его от гнетущих мыслей и занять делом, я предложила единственное, что пришло в голову:

— Раз уж мы все равно здесь... Давай навестим Алису? Ее палата ведь на этом этаже.

Мы двинулись по коридору. Вокруг стояла странная, почти зловещая тишина — ни на посту, ни в пролетах не было ни одной медсестры. Не встретив никого, кто мог бы остановить нас, мы подошли к нужной двери и осторожно толкнули ее.

Внутри было пусто. Кровать Алисы оказалась аккуратно заправлена, а личные вещи исчезли.

— Ладно... От нас что-то скрывают, или тут стряслось то, чего мы не знаем? — нахмурился Марк, оглядывая стерильную чистоту комнаты.

От удивления я не нашла, что ответить. В голове вихрем закружились вопросы. Но рассмотреть палату внимательнее мы не успели — за спиной раздался оглушительный грохот.

Ворвавшаяся внутрь толпа едва не сбила нас с ног: трое дежурных врачей, запыхавшиеся медсестры и бледный охранник, судорожно сжимающий рацию. На их лицах читал панический, животный страх. Заметив нас, они хором разразились яростными, испуганными криками:

— Где она?! Куда она делась?!

— Вы еще кто такие?! Что вы сделали с пациенткой?!

— Мы... мы только зашли! — попытался перекричать их Марк, закрывая меня собой. В этот момент один из докторов бросился к окну. Распахнув створку, он врубил фонарик и посветил вниз, на заснеженный козырек первого этажа. Там, четко выделяясь в свете луны, тянулась цепочка свежих следов, ведущая прямо к больничному парку.

— Она сбежала... — выдохнул врач, и его приглушенный голос прозвучал как смертный приговор.

— О Господи.

Земля ушла у меня из-под ног. Пульс бешено застучал в ушах, дыхание перехватило, а перед глазами все поплыло. Алиса сбежала. Именно в ту ночь, когда мать Марка предрекла начало конца.

— Каким образом она вообще могла сбежать?! Вы вообще следите за тем, что у вас здесь происходит?! — яростно кричал на врачей Марк, загораживая меня спиной. Бледный, испуганный доктор нервно оттолкнул его от окна и указал на дверь:

— Убирайтесь отсюда! Живее, пока полиция не сделала вас крайними!

Спорить не руководствовалось здравым смыслом. Нас буквально выставили вон, и, сбега по больничной лестнице, мы едва разминувшись с нарядом полиции, ворвавшись в вестибюль.

На улице Марк продолжал бушевать, агрессивно рубя воздух руками:

— Как человек, запертый в палате под круглосуточным присмотром, умудряется бесследно исчезнуть?! Это же бред, Ариэль! Прямой вызов здравому смыслу!

Я шла молча, пряча руки в карманы куртки. В голове не укладывалось. С одной стороны, хотелось винить халатность врачей. С другой... перед глазами стояло зловещее сияние глаз его матери. Что, если Алиса ушла не сама? Что, если человек в плаще способен проникать сквозь запертые двери? Или, что еще страшнее, Алиса действительно очнулась, но перестала быть собой?

— Предлагаю пойти к тебе, — немного остыв, тихо произнес Марк. — Нужно все обдумать, пока мы не сошли с ума.

Я молча кивнула. Дома нас встретили встревоженные мама и Кевин. Стоило нам переступить порог, как мама бросилась к нам, едва не плача от облегчения:

— Слава Богу, вы целы! Мы места себе не находили! Наш сбивчивый рассказ о чердаке, реанимации и побеге Алисы погрузил комнату в тяжелое, удушливое молчание.

— В городе не может пропадать столько людей подряд! — наконец воскликнула мама, всплеснув руками. — Это какое-то безумие!

— И это точно не совпадение, — глухо отозвался Кевин, глядя в окно на темную улицу.

— О совпадении и речи быть не может, — твердо сказала я, присаживаясь к столу. — Во всем этом замешан тот ублюдок в плаще. Я уверена.

— Даже если так, что мы можем сделать? — мама бессильно опустила плечи. — Нас поднимут на смех в участке. Прямых улик против него нет.

— Значит, будем действовать сами! — Кевин резко стукнул кулаком по дубовой столешнице. — Подкараулим его в переулке и... БАМ! Выбьем из него правду.

— Мы даже не знаем, где этот черт объявится в следующий раз, — Марк устало покачал головой, и в его голосе прорезалась глухая, пугающая злость. — Моя мама сейчас на грани жизни и смерти в реанимации из-за него. Если с ней что-то случится... я этого придурка из-под земли достану.

В этот момент я снова остро, до боли в груди вспомнила папу. Будь он жив, он обязательно нашел бы выход. Он всегда знал, что делать, когда весь мир рушился.

— Ладно, ребят, — мягко прервала затянувшуюся паузу мама, доставая из шкафа свежее постельное белье. — Уже глубокая ночь. Нам всем нужно хоть немного поспать, иначе завтра мы ничем не сможем помочь. Марк, оставайся у нас, я постелю тебе в гостиной.

Мы заставили себя выпить по стакану теплого молока, но сон не шел. В доме царила звенящая, тревожная тишина.

Я ушла к себе. Мою комнату насквозь прорезал холодный, мертвенно-белый свет полной луны. Я подошла к кровати, собираясь лечь, как вдруг периферийным зрением уловила странное движение снаружи. За стеклом что-то хаотично моталось, шурша по подоконнику от порывов ветра. Тряпка? Какая-то сорванная бумага? Нахмурившись, я распахнула створку окна. Ледяной воздух мгновенно обжег лицо. Я протянула руку и поймала застрявший в раме плотный бумажный конверт. Сердце пропустило удар, а по коже пробежал мороз. Это было письмо. И на обратной стороне размашистыми, до боли знакомыми штрихами была выведена надпись. Почерком моего отца.

Глава 7

Текст короткой записки заставил мое сердце пропустить удар: «Беседка. 02:00. Папа».

Я застыла посреди комнаты, не в силах отвести взгляд от листка. Голова шла кругом: реально ли это? Или это очередной жестокий розыгрыш маньяка, решившего поиграть со своей жертвой? Надежду теплило лишь одно — почерк. Эти размашистые, небрежные, корявые буквы я бы узнала из тысячи. Отец никогда не славился аккуратностью. Впрочем, в этом я пошла вся в него. Выбор казался иллюзией: либо я трусливо остаюсь в кровати и навсегда теряю этот шанс, либо загляну страху в глаза и лично узнаю, кто ждет меня в заснеженной беседке на заднем дворе.

Быстро натянув теплую куртку, я замерла в мучительном ожидании. До двух часов ночи оставалось чуть меньше получаса. Я бесконечно прикидывала к ледяному стеклу, пытаюсь разглядеть хоть какое-то движение в темноте сада, но вековые деревья стояли неподвижно. Наконец стрелка часов замерла на нужной отметке. С бешено колотящимся сердцем, содрогаясь от каждого шороха и до крови кусая губы, я крепче сжала в дрожащих руках старый отцовский топор, который тайком принесла из чулана. Идти одной было безумием. Разумнее всего — разбудить Марка, чтобы он хотя бы караулил меня у дверей.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы растолкать его на диване в гостиной и при этом не разбудить маму с Кевином. К счастью, мне это удалось. Марк испуганно захлопал глазами, но стоило мне прижать палец к губам и показать ему записку, как остатки сна с него мгновенно слетели.

Серебряный свет полной луны прорезал густые кроны деревьев, длинными жуткими тенями ложась на заснеженный двор. Марк остался караулить у крыльца, сжимая в руке тяжелый фонарь; его силуэт едва угадывался в темноте.

Подойдя к старой беседке, я уловила за ее деревянной обшивкой тихий, едва различимый шорох. Волосы на теле встали дыбом. Сглотнув вязкую слюну, я вскинула топор перед собой, готовая нанести удар. Из густой тени медленно выступил высокий силуэт и замер в лунном сиянии. Я вгляделась в исхудавшее, бледное лицо и тихо ахнула. Пальцы мгновенно разжались. Топор с глухим стуком перевернулся в пушистый снег.

— Доченька... — раздался хриплый, до боли знакомый шепот.

— Папа! — я с рыданием бросилась вперед, утыкаясь носом в его холодную куртку. — Господи, ты жив! Что произошло? Где ты был все это время?!

— Ариэль, тише... У меня слишком мало времени, я пришел лишь предупредить, — он судорожно оглянулся на стену леса, его руки мелко дрожали.

— Предупредить о чем? Папа, умоляю, объясни! — вопросы лавиной хлынули из меня, а внутри все сжалось от липкого предчувствия беды.

— Вы все в страшной опасности... — его голос вдруг потерял человеческие интонации, став пугающе монотонным. Он заговорил отрывисто, в точности повторяя жуткое пророчество матери Марка. — Вам нужно держаться вместе. Береги маму, Кевина, друзей... Это очень важно. Лишь луна взойдет... Праздник настанет... Зло не дремлет...

— Папа! Перестань, прошу тебя! Что это значит?! — слезы уже всюю жгли глаза, катясь по замерзшим щекам. — Какое зло? При чем здесь праздник и луна?!

На мгновение в его глазах промелькнула прежняя отцовская теплота, смешанная с глубоким отчаянием. Он крепко сжал мои плечи:

— Ты справишься, родная. Ты сильная, я верю в тебя... Ничего не бойся. Слышишь? Никогда не сдавайся. Его взгляд снова метнулся к темной чаще, и лицо исказилось от внезапного страха:

— Мне пора. Он заметит, что я ушел... поднимет тревогу. Я люблю вас, передай маме и Кевину...

Не успела я схватить его за рукав, как отец резко развернулся и гигантскими прыжками рванул прочь, мгновенно растворяясь в кустах на опушке.

— ПАПА! СТОЙ! ПОДОЖДИ! — в абсолютном безумии закричала я и бросилась следом. Ветки безжалостно хлестали по лицу, рвали одежду и цеплялись за волосы, словно живые твари, пытающиеся меня удержать. Темный силуэт отца стремительно отдалялся, пока окончательно не слился с ночным мраком. Я сделала еще один отчаянный шаг, споткнулась о скрытую под снегом корягу и со всего размаху рухнула лицом в сугроб. Сил бежать больше не было. Горло сдавило судорогой, и я закричала — громко, иступленно, срываясь на глухой истерический вой. Секундой позже из темноты выскочил запыхавшийся Марк. Он упал рядом на колени, крепко прижал меня к себе и стал судорожно шептать успокаивающие слова, пока я задыхалась от слез на его плече.

Я смутно помнила, как мы вернулись. Мое сознание словно подернулось ледяной коркой. Потребовался почти час слепого, удушающего плача и пронизывающего до костей холода, прежде чем Марку удалось увести меня из леса. Мое тело превратилось в сплошной очаг боли: руки покрылись мелкой сеткой царапин, из которых сочилась сукровица, лицо распухло от слез, а забитый нос вынуждал дышать ртом, из-за чего горло нещадно жгло.

Дома я долго сидела у камина, намертво укутавшись в шерстяной плед. Я смотрела на танцующие языки пламени, отказываясь верить в реальность происходящего. Марк молча принес мне кружку горячего ромашкового чая. Он попытался заговорить, подобрать какие-то слова утешения, но я лишь глухо попросила побыть в молчании. Нехотя, бросив на меня полный тихой печали взгляд, он лег спать, отвернувшись к стене. Горькие, пугающие догадки душили меня, и вскоре я сдалась, добравшись до своей постели.

Сон пришел лишь под утро, после сотен мучительных попыток забыться. Но пережитый ночной кошмар настиг меня и в бесспамятстве.

Лес. Кромешная, осязаемая темнота. Я стою босыми ногами на обжигающем ледяном насте. Вокруг меня безумным вихрем несутся неразличимые черные силуэты. Со всех сторон сыплются невидимые удары, вышибая воздух из легких. Меня бьет крупная дрожь. Вдруг тени исчезают, уступая место яростному, утробному рыку. Что-то на бешеной скорости летит прямо мне в грудь, сбивая с ног, и я с криком проваливаюсь в ледяную бездну...

— АРИЭЛЬ! АРИЭЛЬ, ОЧНИСЬ!

С оглушительным грохотом я покатилась с кровати и рухнула на пол, запутавшись в одеяле. Сердце готово было пробить ребра. Я дико оглядывалась по сторонам, не понимая, где нахожусь.

— Ариэль! Господи, что с тобой?! — сквозь гул в ушах я наконец узнала встревоженный голос брата.

Сознание возвращалось медленно, а вместе с ним накатила жуткая ломота во всем теле. Каждая мышца ныла так, словно меня полночи били палками.

— Что... что случилось? — еле выдавила я пересохшими губами.

— Это я у тебя хочу спросить! Марк встал рано и побежал к маме в больницу. А ты... ты никогда так долго не спала! Время уже к полудню. И выглядишь ты, мягко говоря, кошмарно, — Кевин с неподдельным страхом оглядел мое бледное опухшее лицо, темные тени под глазами и разодранную кожу на руках.

— Мне нужно... дай мне пять минут, — я кое-как поднялась на ноги и побрела в ванную, отчаянно пытаюсь собрать осколки мыслей в единое целое.

За окном сияло яркое зимнее солнце. Мороз оставил на стеклах сложные, причудливые узоры — судя по всему, они намерзли еще ночью, когда на улице было дьявольски холодно.

В доме, вопреки всему, густо стоял насыщенный, уютный аромат маминой выпечки. Все вокруг казалось обманчиво обыденным, если бы не страшные события в городе и безумие прошлой ночи.

Переодевшись в домашнее, я спустилась вниз. Кевин, уплетая одну за другой горячие плюшки, тут же метнул на меня тревожный взгляд. Мама замерла у плиты. Стоило ей обернуться и взглянуть на меня, как она выронила полотенце.

— Бог ты мой, Ариэль! Что с тобой? — она подбежала ко мне, вглядываясь в лицо. — Ты что, плакала всю ночь? Ты не заболела?

— Мам, Кевин, послушайте... — я осторожно перехватила ее дрожащие руки. — Я все объясню, только, пожалуйста, дайте мне минуту собрать мысли воедино. Мой сбивчивый рассказ занял минут десять. Когда я замолчала, в комнате повисла мертвая тишина. Я наблюдала у обоих вытаращенные глаза и буквально отвисшие от шока челюсти.

— Да ладно... Этого просто быть не может, — первым пришел в себя Кевин, побледнев. — Ариэль, это точно не был сон? Ты правда видела папу?

— Ой, детка моя... — мама резко прижала меня к себе, и я почувствовала, как ее плечи мелко задрожали от подступающих слез.

— Это... это ведь хороший знак! Наш отец жив, а значит, еще не все потеряно. Мы обязательно выясним, что за чертовщина здесь творится. И твой папа прав: что бы ни случилось, теперь нам нужно держаться вместе. Слышите? Никаких одиночных прогулок.

Глава 8

Состояние апатии с головой окутывало меня. Конец года явно решил всех нас добить. Что делать в таком случае? Выход же всегда есть, так почему сейчас его так сложно найти?

Я вздрогнула от стука в дверь.

— Ариэль, ты как? — поинтересовался Кевин.

— А как может быть в таких ситуациях? — я высказала это с излишней, почти болезненной дерзостью. — Когда с близкими случаются страшные вещи? Когда друзья пропадают без вести? Когда люди вокруг сходят с ума, а по улицам некогда родного города бродит безумец, оставляя за собой лишь кровь и жестокие расправы?

Кевин застыл, широко раскрыв полные жизни каре-зеленые глаза. Потерев затылок, он тихо произнес:

— Э-э, ну да, вообще-то это все и ко мне относится...

— Да, прости, я знаю. Просто высказала наболевшее.

— Ну так что будем делать? — Кевин с присущим ему оптимизмом беззаботно повалился на кровать.

Он взял с тумбочки мою шкатулку, где хранились памятные мелочи. Она переливалась лазурно-голубыми красками. Я любила рассматривать ее на солнце. Вживую моря я никогда не видела, но эта расцветка живо рисовала в воображении морскую гавань, мягкий песок под ногами и ласкающие лучи.

Неожиданно в памяти начали всплывать наши летние деньки, когда мы с Кевином гостили у бабушки в деревне: катались на лошадях, кормили скот. Помню, как пулей удирали от гусей. Как говорят, когда за нами бежит собака — каждый сам за себя. И в этом плане мне везло больше: Кевина кусали несколько раз. Бабушка потом успокаивала его своим фирменным отваром из трав и лесных ягод. До сих пор помню этот сладко-кисловатый вкус.

Наша бабушка Алтея, несмотря на свой преклонный возраст, порой даже активнее и энергичнее, чем мы. То в огороде копается, то дров нарубит, то как уйдет гулять — так за несколько километров. Возможно, это скрытые суперсилы всех бабушек. И вот она приносит из леса разные травы, ягоды, грибы.

Рядом с ее домом стоит хиленькая избушка, где она и хранит все свои отвары. Правда, она часто запрещала нам с Кевином туда ходить: мало ли, разобьем что ненароком. Но я видела, что к ней многократно приходили люди. Как она говорит: "Просто побеседовать". Однако выходили они куда более расслабленными, безмятежными и просвещенными. Алтея на это просто пожимала плечами и говорила: "Порой, чтобы человеку стало легче, его просто нужно выслушать. Ведь нет сил, которые лечили бы человеческую душу лучше, чем эмпатия, человечность и любовь".

Бабушка всегда видела людей насквозь, поэтому частенько давала мне советы по поводу дружбы и отношений. Она даже пыталась сводить меня с Марком, твердя, какой он заботливый, понимающий, добрый и что таких парней сейчас очень мало. В принципе, благодаря бабуле мы с Марком и познакомились.

Он на тот момент тоже гостил у своей бабушки. Знакомство у нас, в общем, вышло неоднозначное. С их двора сбежал поросенок и в конечном итоге забежал на ферму нашей бабушки. Я в этот момент как раз кормила кур, когда в калитку, запыхавшись, влетел растрепанный, весь в поту высокий парень. До сих пор помню, во что он был одет: бежевая майка, оголявшая загорелые руки, и черные спортивные шорты. На его левой щеке уже тогда красовался заметный шрам.

— Привет! Прости за беспокойство, мой поросенок забежал к вам в сарай... — задыхаясь, проговорил он. — Я поздно заметил его отсутствие, а когда кинулся — он уже был в нескольких метрах от загона...

— А, привет, — не без улыбки от его растрепанного вида ответила я. — Ничего страшного, пошли.

Мы направились в сарай. Поросенок вальяжно развалился в углу на сене.

— Ну что, разбойник, устроил ты мне утреннюю пробежку, — Марк бережно взял его на руки, а тот недовольно захрюкал. — Теперь пора домой.

Тут неожиданно в сарай заглянула бабушка:

— Ариэль! Вот ты где! Ой, Марк! Какая приятная встреча! Почему не предупредил, что зайдешь? Хотя ты вовремя, я как раз приготовила шарлотку с ромашковым чаем. Скорее, Ари, проводи юношу в дом. А я, так и быть, отнесу маленького хулигана твоей бабушке Лидии.

Марк пытался что-то возразить, но бабушка была настойчивее. И вот мы с ним уже сидим в доме, распиваем вкусный чай и закусываем аппетитным пирогом. Как ни крути, беседа началась с забавных жизненных ситуаций на ферме, и вскоре выяснилось, что у нас очень много общего.

Кевин позже пришел из леса с целым ведром ягод, которые бабушка велела ему набрать. Марк ему сразу понравился, и они легко нашли общий язык. Впрочем, брату такое общение всегда давалось гораздо легче, чем мне. После этого дня Марк стал частенько заглядывать к нам гости.

Как потом оказалось, именно бабушка Алтея тайком выпустила поросенка и так же тайком загнала его к нам во двор. Я жутко смеялась, когда она во всем призналась, и искренне удивлялась, как она вообще додумалась до такого и так удачно все провернула. А все ради того, чтобы я наконец начала общаться хоть с кем-то из парней. И не с каким-то обычным, а с "просто чудом", по ее словам. Действительно, за все время общения с Марком у нас не было ни единой ссоры. И я очень обрадовалась, когда узнала, что он тоже живет в нашем городке.

От этих воспоминаний стало тепло на душе. Но постепенно я вернулась к реальности и встретила недоумевающий взгляд Кевина.

— Ты задумалась о плане действий?

— Э-э... Вообще-то не совсем. Просто вспомнила наши летние каникулы.

— Блин, ну зачем ты сказала? — он недовольно надул губы. — Мне теперь тоже жутко захотелось в лето. Хотя из-за недавних событий уже давно мечтаешь вернуться в то беззаботное время, когда и у нас, и у всех вокруг все было хорошо...

— Тут ты прав... — тихо вздохнула я.

За окном стояла морозная серая погода. Мама попросила меня выбросить мусор. На улочках городка не происходило ничего необычного, прохожие занимались своими делами: покупали рождественские товары, прогуливались, наслаждались зимой. С одной стороны, здорово, что люди сохраняют праздничное настроение и позитивный настрой, но с другой — все словно забыли о том, что случилось.

Я выбросила мусор и на обратном пути заметила письмо, торчащее из нашего почтового ящика. Взглянула на подпись: «Бабуля Алтея». Надо же, только сегодня ее вспоминала! В ее глуши связь была паршивая. Поэтому бабушка пользовалась старой доброй почтой — это было надежнее, чем пытаться поймать ускользающую сеть ради короткого звонка.

Я быстренько забежала в дом, вымыла руки и устроилась в гостиной, чтобы прочесть письмо.

— Ого, ты уже вернулась? — Кевин взглянул на конверт. — О, письмо? А от кого оно? Ну же, открывай!

— От бабушки. Кевин, угомонись, — я аккуратно надорвала бумагу и достала сложенный листок.

«Дорогие мои, как у вас дела? Слышала о дурных вестях из вашего городка. Все ли с вами в порядке? Аманда, ты в любых обстоятельствах можешь отправить детей ко мне! Ты прекрасно знаешь, что для Кевина и Ариэль у меня есть все необходимое. Мы легко протянем зиму, моих запасов продуктов, трав и настоек хватит как раз до весны! Буду ждать ответа!»

— Ого, бабушка зовет нас к себе! — воскликнул Кевин. — Как здорово!

— Может, и здорово, но уезжать нам сейчас нет смысла. Как же наш папа? Алиса? А то, что мама Марка в реанимации? — я нахмурилась. — Я считаю безрассудным просто сбежать от проблем.

— Но что мы будем делать? А если с кем-то из нас это случится?

— В том-то и дело, что нам нужно держаться вместе! Папа велел это... — не успела я закончить, как Кевин перебил меня.

— Вот именно! Папа велел тебе! Про меня он ничего не сказал. Может, его там вообще не было!

— Ты считаешь, что я все это выдумала? — не веря собственным ушам, спросила я. — Думаешь, я сама подбросила то письмо, таскалась ночью в ужасный мороз, промерзнув до посинения, просто по приколу или чтобы обмануть вас?! Марк был со мной, он подтвердит все случившееся!

— Марк ушел раньше и ничего не сказал! — Кевин резко выхватил листок из моих рук и рванул к себе в комнату.

— Стой! Вернись сейчас же!

Я бросилась следом, но напрасно. Перед моим носом громко щелкнул замок — брат запер дверь.

— Ну и сиди там, говнюк! — крикнула я в закрытую дверь. Настроение на весь оставшийся день было безнадежно испорчено. Мама ушла в продуктовый магазин, и я была абсолютно уверена: как только она вернется, этот мелкий сразу настучит на меня и станет уговаривать ее отправить нас к бабушке. Иногда он вел себя просто невыносимо.

С тяжелым грузом разочарования на душе я решила пойти к Марку. Возможно, он уже вернулся из больницы.

Однако дверь его дома тоже оказалась заперта. Видимо, он еще не вернулся. Меня накрыла щемящая тоска: безумно хотелось поговорить с кем-то, кто по-настоящему меня понимает.

Я уже повернулась, собираясь уходить, как вдруг за спиной раздался отчетливый хруст снега под чьими-то шагами.

Глава 9

— Джексон! Неожиданная встреча! — смутно помню, но вроде он дружит с Марком, и они часто играют вместе в волейбол.

— Я только приехал из Эшенстоуна, у нас в колледже наконец-то начались каникулы, — облегченно сказал он. — Вот решил навестить кудрявого, ты тоже?

— Думаю, нам стоит пройтись. — Я рассказала ему вкратце, что происходит в городе, и увидела его вытаращенные глаза и открытый рот.

— Это все правда? Я слышал о нехороших вещах, творящихся здесь, но не думал, что все так ужасно.

Я решила немного смягчить тему и узнать его получше.

— Ну, а у тебя что нового? — я заметила, что после моего вопроса он улыбнулся.

- В общем, учусь на пожарного, много тренируюсь, с друзьями гоняем на разные соревнования. Короче говоря, живу так, как мне нравится, — в его глазах зажегся огонек.

— Здорово, когда находишься на своем месте и получаешь удовольствие, — попыталась я улыбнуться.

— Ну, а у тебя как? Ты же еще в школе?

— Да, выпускной год, как и у Марка. Насчет своего будущего ничего не могу сказать. — Я сглотнула ком, в глубине надеясь, что оно вообще наступит. — Ищу дело, которое придется по душе.

— Уверен, найдешь! — Джексон похлопал меня по плечу, улыбаясь.

У меня на примете было несколько вариантов, но к единому пока не пришла. Буду верить, что все образуется и ноги сами поведут на нужную дорогу.

Еще немного мы прогулялись и разошлись. Когда я пришла домой, то увидела в прихожей несколько собранных сумок и пакетов с продуктами. Пройдя в комнату, я застала Кевина: он сидел на корточках, нагнувшись к рюкзаку с довольной ухмылкой, пока мама складывала туда нашу одежду. Подозревая неладное, я хмуро спросила:

— Что вы делаете?

— Идея бабушки показалась мне весьма разумной, и сегодня вы поедете к ней. Автобус отходит через пять часов. Ариэль, проверь, все ли я уложила или что-то забыла? С памятью в последние дни совсем плохо...

Брови полезли вверх от удивления.

— То есть разумно оставлять моих друзей? Разумно оставлять Марка, который сам не свой после ситуации с матерью? Разумно уезжать, когда папа велел держаться вместе? — голос у меня почти срывался. Я считала трусостью вот так взять и сбежать.

— Алиса пропала, ей ты не в силах помочь. К тому же я узнала, что приехал Джексон, он-то и составит Марку отличную компанию. Что до твоего отца, то он всегда недолюбливал мою маму, как и она его, так что странно было бы услышать от него предложение отправить вас к Алтее, — мама даже не подняла на меня взгляд, а это всегда означало, что она непреклонна в своем решении.

Я стиснула зубы и со злостью заперлась в своей комнате. Села на диван, и горячие слезы мгновенно хлынули по щекам. В голове я отчаянно пыталась соединить разрозненные детали в единую картину и придумать, что делать дальше. Постепенно план сложился. Я поеду с Кевином в деревню, но долго там не задержусь. Если придется — сбегу.

До автобуса оставалось еще несколько часов, и я решила попрощаться с Марком, чтобы рассказать все как есть. Но дома его снова не оказалось. Видимо, мама права: Марку сейчас действительно лучше побыть с Джексоном. Они давно дружат и делят общие увлечения. Возможно, Джексону быстрее удастся вернуть его к жизни. Я вяло поплелась обратно.

— Так, перекус сложила, одежду тоже. Дорогу, надеюсь, помните? — мама провожала нас к автобусу. — Ари, это для вашей же безопасности, — она легонько приобняла меня за плечи.

— Да, возможно, ты права.

— Вот и отлично.

Мы загрузили сумки в багажный отсек и уселись на свои места. Бросив прощальный взгляд на маму, я отвернулась к окну. На горизонте по левую сторону темнел непроходимый снежный лес. Он тянулся бесконечной глухой полосой на многие сотни километров вокруг. Еще с детства нам строго-настрого запрещали к нему подходить, не то чтобы гулять в нем. Там бесследно пропало слишком много людей. Несмотря на всю свою величественную красоту, которая не увядала в любое время года, этот лес внушал первобытный страх.

В автобус село еще несколько человек, и мы наконец двинулись в путь. Постепенно салон опустел — на промежуточных остановках вышли все пассажиры, и в конце концов остались только мы с Кевином. До самой бабушкиной деревни общественный транспорт не ходил, автобус останавливался в километре от нее, так что остаток пути предстояло проделать пешком. За всю дорогу мы с братом не обмолвились ни словом. Он угрюмо смотрел в окно, а я лихорадочно обдумывала свои дальнейшие действия.

— Конечная, — хмуро буркнул водитель.

Мы забрали свои вещи, и автобус уехал, оставив нас у едва заметной тропинки, ведущей сквозь стену густого леса. Кевин первым нарушил затянувшееся молчание:

— Я знаю, тебе не понравилась эта идея. Но я правда думаю, что так будет лучше для всех.

Я косо взглянула на него и горько ухмыльнулась.

— Спасибо, я останусь при своем мнении, — я обогнала его на несколько шагов, вынуждая брата молча плестись сзади.

Пейзаж вокруг постепенно менялся. Чем дальше мы уходили от города, тем сильнее отступала суровая зима — здесь, у подножия холмов, снега было значительно меньше, а местами сквозь проталины даже проглядывала пожухлая зеленая трава. Многовековые листовенные деревья уступили место величавым хвойным исполинам, чьи верхушки, казалось, подпирали само небо.

Вскоре тропа вывела нас из лесной глуши к живописной холмистой местности, поросшей густым кустарником. Это означало, что мы на месте. Зимой здешние края выглядели так же сказочно, как и летом. Легкие шапки пушистого снега покрывали крыши амбара и дома, который бабушка уже успела украсить к Рождеству. На раскидистых елях во дворе мерцали разноцветные гирлянды, а над входной дверью красовался праздничный венок.

Едва мы переступили порог, как в нос тут же ударил густой аромат пряных пирожков и чего-то тыквенного. По лестнице лениво спускался пушистый Сириус — черный, как уголь, кот. Еще недавно он казался крохотным шустрим комочком, а сейчас превратился в огромного вальяжного зверя, который явно переел хозяйской выпечки. Сириус медленно подошел к нам, лениво потянулся, обнюхал обувь и развалился на коврике. На кухне у бабушки что-то задорно скворчало, а из граммофона лилась старая рождественская мелодия.

— Родные мои! — едва завидев нас, она бросилась в объятия, осыпая поцелуями. — Как же вы быстро! Устали, поди? Ставьте скорее вещи! — бабушка ловко перехватила у нас сумки и утащила их в глубь коридора. — Вешайте куртки, запаритесь ведь!

Внутри ее дом всегда встречал обволакивающим теплом и приятными красками: персиковый платяной шкаф, алый ковер на деревянной лестнице, кухня в нежных салатových и лимонных оттенках. Повсюду на подоконниках и полках зеленели комнатные растения.

Была здесь и комната, вечно закрытая для посторонних, где бабушка устроила домашнюю оранжерею. С самого детства вход туда нам был строго воспрещен. Бабушка всегда объясняла

это заботой о хрупких экзотических цветах, но я считала иначе. Там пряталось нечто опасное. И однажды мне удалось это увидеть.

Я была совсем маленькой, когда бабушка однажды отвлеклась и забыла прикрыть за собой дверь. Мне удалось мельком заглянуть внутрь: стены подпирала стеллажи со множеством незнакомых растений, а в самом центре комнаты высился стеклянный куб. Внутри него рос необычный цветок с крупными темно-зелеными листьями и фиолетовыми бутонами, из сердцевины которых торчали ярко-желтые тычинки. Завороженная этим зрелищем, я уже собиралась переступить порог, как вдруг бабуля резко одернула меня за плечо:

— Ариэль! Глупая, я же строго-настрого запрещаю сюда заходить! И почему все дети такие непослушные?

В тот день она разозлилась на меня как шершень. С тех пор на двери этой комнаты висит массивный замок, ключ от которого бабуля всегда носит в кармане своего передника.

Мы разнесли сумки по комнатам. Дом у бабушки большой, так что каждому досталось по спальне. Набивать шкафы своей одеждой я не стала, помня о тайном плане побега.

Оставшаяся часть дня прошла на удивление спокойно. Мы помогали по хозяйству: прибрались в доме и накормили скот в амбаре. Там произошел забавный случай: один из козлят умудрился чихнуть прямо в лицо Кевину. Брат от неожиданности взвизгнул, как девчонка, из-за чего мы долго хохотали. Ближе к вечеру мы вышли прогуляться к опушке леса, но вскоре опустился густой туман, и пришлось вернуться. За ужином бабушка развлекала нас картами и домино, а потом в сотый раз показала старый семейный альбом.

К ночи, полностью вымотавшись, мы разошлись по спальням. Мое окно выходило на черную стену леса, а небо над ним затянуло тяжелыми тучами. Едва коснувшись головой подушки, я мгновенно провалилась в глубокий сон.

Глава 10

Солнечные лучи пробивались сквозь тюль, озаряя комнату и настраивая на предстоящий день. День побега.

Бабушка, как всегда, состряпала плотный завтрак, чтобы зарядить нас энергией. Кевин с жадностью уплетал блинчики один за другим.

— На повестке дня немало дел! — начала бабушка. — Поможете убратся дома, в амбаре, на чердак нужно отнести некоторые вещи, еще моя любимая курита захворала. Ей нужен новый корм.

В голове я выстраивала план действий. Бежать надо ночью, так что помочь бабуле я успею. Говорить ей нет смысла — она ни за что меня не отпустит.

Мы убрались в доме и на чердаке. Кевин с бабушкой собрались в амбар.

— Тогда я схожу на рынок за кормом, сказала я.

Переодевшись, я накинула любимую куртку цвета морской волны и увлажнила губы помадой.

— На дороге, минутах в десяти отсюда, есть указатель — если вдруг забудешь, куда идти, — сказала бабушка. — Держи мелочь, можешь еще что-нибудь взять себе.

— Спасибо, бабуль, я побежала!

В лесу стелился густой туман — для этих мест обычное явление. На ветках сидели птицы с необычным оперением, каких я никогда раньше не встречала. Стоило мне выйти на опушку, как впереди показались шатры и палатки. Местные ярмарки всегда пользовались большой популярностью: многие съезжались сюда продавать зимние заготовки.

Я подошла к прилавку с кормами. За ним, быстро обслуживая одного клиента за другим, сутилась девушка с пшеничными волосами, собранными в пучок, и ясными голубыми глазами.

— Доброе утро! — обратилась она ко мне. — Что подать?

Я улыбнулась в ответ.

— Зерно, пожалуйста.

Она ловко подхватила мешочек изящными пальцами, завязала его и поставила на весы.

— Пятьсот граммов, подходит?

— Да, благодарю.

Я расплатилась. Девушка взяла монеты, но не отвернулась, а задумчиво всмотрелась в мое лицо.

— Слушай, а ты внучка бабули Алтеи?

Я приподняла брови:

— Как ты поняла?

— Правда? — просияла она. — Ты очень на нее похожа! Твоя бабуля много раз лечила мою простуду, а еще помогала брату... — Она вдруг изменилась в лице, словно вспомнила о чем-то неприятном. — Ты приехала на каникулы?

— Э-э, да, но ненадолго, — я почесала затылок. — Я Ариэль!

— Очень приятно, — девушка широко улыбнулась и пожала мне руку. — Валенсия.

— Какое потрясающее имя! — Мне всегда нравились редкие имена, особенно с интересным значением.

— Благодарю!

Она резко обернулась, услышав мужской голос, позвавший ее по имени. К прилавку подошел высокий парень в обтягивающем графитовом лонгсливе и черных штанах. Ткань плотно подчеркивала его натренированные плечи. Лицо у него было выразительным, а пронзительные

зеленые глаза, казалось, смотрели в самую душу. На улице было довольно прохладно, и оставалось только позавидовать его крепкому иммунитету.

— Валенсия, я же должен был выйти на смену вместо тебя, — он говорил негромко, но в его тихом голосе звучала стальная, непреклонная уверенность. Парень выжидающе посмотрел на нее.

— Знаю. Ты крепко спал, я не стала тебя будить, — отмахнулась она. — К тому же я чувствую себя гораздо лучше.

— Все равно нужно было разбудить. Ты совсем не думаешь о здоровье.

В его тоне послышались строгие наставления старшего брата. Танатос на секунду метнул холодный взгляд в мою сторону, и мне стало неловко.

— Отпусти покупателя.

— Спасибо, я уже взяла все необходимое и ухожу, — поспешила вмешаться я.

— Подожди, Ариэль. Танатос, — обратилась Валенсия к парню, — знакомься, это Ариэль, внучка Алтеи.

Он слегка приподнял брови и протянул мне руку. Когда он сделал это, рукав его лонг-слива немного задрался, и я заметила глубокий старый шрам на бицепсе.

— Танатос, — представился он. — Твоя бабушка не раз выручала нас. Она хороший человек.

Я пожалала его крепкую ладонь. Заглянув парню в глаза, я обомлела: на радужке его левого глаза вокруг зрачка виднелись мелкие, завораживающие голубые вкрапления. Это выглядело невероятно красиво.

— Она старается помогать всем, вот только о себе часто забывает, — я мягко улыбнулась и приподняла свой мешочек с зерном. — Ладно, я и так задержалась. Мне пора.

Я попрощалась с ребятами. Валенсия показалась мне очень открытой и доброй, а вот ее брат — полной ее противоположностью. Впрочем, глупо судить о человеке по первой встрече.

Я еще немного прошлась по ярмарочным рядам, прикупила какао и поспешила обратно на ферму. Курица довольно закудаhtала, стоило ей отведать любимого корма. В амбаре густо пахло сухим сеном; здесь было гораздо уютнее, чем на пронизывающем зимнем ветру. Воздух казался плотным и согретым дыханием животных.

— Ну и парко же у вас, — улыбнулась я, но коровы лишь недовольно фыркнули мне в ответ.

На обратном пути к крыльцу я на минуту задержалась. На улице стоял свежий морозный воздух, а солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая верхушки деревьев жидким золотом. Я полюбовалась этой ускользающей красотой и зашла в дом.

На кухне уже стоял потрясающий аромат. Как ни крути, я буду отчаянно скучать по бабушкиной стряпне. Мама унаследовала этот кулинарный дар, а вот мне, к огромному сожалению, ее талант совсем не передался. Теперь оставалось только помочь бабуле с ужином, а дальше — дело за малым.

— Итак, — начала бабушка, раскладывая по тарелкам дымящееся тушеное мясо с овощами, — Кевин и Ариэль, вы сегодня неплохо справились со своими задачами. Так что на вечер у нас сладкое вознаграждение!

На краю стола уже красовались свежее испеченные, еще горячие кексы с ежевичным вареньем.

— Вам повезло, что сейчас зима и домашних дел в два раза меньше, чем летом, — добавила бабуля.

— Это точно, — согласился Кевин, с аппетитом принимаясь за ужин.

Бабушка принялась перечислять планы на завтрашний день. Понимая, что завтра меня здесь уже не будет, я нервно сглотнула подступивший к горлу ком и поспешила сменить тему:

— Кстати, бабуль, я сегодня на рынке познакомилась с Валенсией и Танатосом. Они сказали, что ты не раз их выручала.

Бабушка утвердительно кивнула:

— Угу, Валенсия — простая девчушка, очень душевная и компанейская. Чего, конечно, не скажешь о ее брате. Ой, не повезло ей с ним.

— О чем ты? — Мне стало любопытно. Я потянулась к блюду, отломил кусочек ароматного кекса и посмотрела на бабушку.

— Да постоянно он с ней спорил, выводил на эмоции, все ему было не так, — она махнула рукой. — Зато, стоило ему занедужить, Валенсия сразу вела его ко мне. Бедная девочка, и как она только с ним справляется?

— Ругаются прямо как мы с Ариэль, — вставил Кевин с набитым ртом.

— Вот и плохо! — отрезала бабушка. — Нечего ругаться. Вы брат и сестра, вам нужно любить и беречь друг друга.

Мы плотно поели и убрали со стола. За окнами окончательно сгустилась ночная тьма.

Через пару часов я уже стояла в ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.